

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99

Поэзия науки и наука поэзии

(о научном и поэтическом наследии М. В. Панова)

Оксана Анатольевна Волошина*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, г. Шэньчжэнь, КНР, oxanav2005@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается научное и поэтическое творчество выдающегося отечественного филолога Михаила Викторовича Панова. Автор анализирует идеи Панова, сформулированные в курсе лекций по языку русской поэзии, подчеркивая, что для Панова развитие русского поэтического языка опирается на движение поэтических форм, воплощенное на уровне фонетики, словесного и образного ряда художественных произведений. Динамика поэтической формы обусловлена стремлением поэтов находить новые, неожиданные формы поэтического языка, но этот поиск идет по пути повтора привычных поэтических формул или сознательного их смещения (сдвига). Панов-ученый находит схему, матрицу описания самых разнообразных поэтических направлений и стилей, предлагая научную классификацию поэтических приемов. Однако ученый, будучи еще и поэтом, обладает талантом обнаруживать поэзию в любимой науке – автор статьи анализирует несколько стихотворений Панова о жизни, о войне (участником которой он был), о науке, об ученых... Лингвистика и сформулированные языковедами научные идеи становятся героями поэтических произведений Панова. Таким образом, в творчестве М. В. Панова гармонично сочетается подход ученого и поэта – в поэзии он находит систему, а в науке – поэзию.

Ключевые слова: М. В. Панов, язык русской поэзии, динамика поэтических форм, уровни языка, поэтика сдвига, поэтическая форма, И. А. Бодуэн де Куртенэ, поэзия науки

Для цитирования: Волошина О. А. Поэзия науки и наука поэзии (о научном и поэтическом наследии М. В. Панова) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The poetry of science and the science of poetry

(about the scientific and poetic heritage of M. V. Panov)

Oksana A. Voloshina*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, P. R. China, oxanav2005@mail.ru*

Abstract. The article examines the scientific and poetic creativity of the outstanding Russian philologist Mikhail Viktorovich Panov. The author analyses Panov's ideas formulated in the course of lectures on the language of Russian poetry, emphasizing that, for Panov, the development of the Russian poetic language relies on the movement of poetic forms embodied at the level of phonetics, verbal and figurative series of literary works. The dynamics of poetic form is determined by poets' desire to search for new and unexpected forms of poetic language; however, this search frequently follows the path of repeating familiar poetic formulas or their conscious displacement (shift). Panov-the researcher finds a scheme or matrix for describing a wide variety of poetic trends and styles, offering a scientific classification of poetic techniques. However, having a poetic talent, Panov was able to discover poetry in science, which he adored. The author of the article analyses several of Panov's poems about life and war (of which he was a participant), about science and scientists. Linguistics and scientific ideas formulated by linguists became heroes of Panov's poetry. Therefore, Panov's work intertwined the approach of both a scientist and a poet: he finds science in poetry and poetry in science.

Keywords: M. V. Panov, Russian poetry language, dynamics of poetic forms, levels of language, poetics of shift, poetic form, I. A. Baudouin de Courtenay, poetry of science

For citation: Voloshina O. A. The poetry of science and the science of poetry (about the scientific and poetic heritage of M. V. Panov). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99. (In Russ.).

В 2020 г. весь ученый филологический мир отмечал 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного ученого-филолога и поэта Михаила Викторовича Панова.

Научное наследие М. В. Панова огромно: известны его работы по русской фонетике¹, фонологии и орфографии², он выступил редактором коллективной работы «Языки народов СССР» и сам написал в этом сборнике большой раздел по русскому языку³.

М. В. Панов много и охотно писал для школьников, он обладал талантом просто говорить о сложных научных понятиях, находить удачные примеры, увлекать широкую аудиторию читателей и слушателей, создавая атмосферу диалога. Он был редактором знаменитого «Энциклопедического словаря юного филолога»⁴, собрал команду ярких авторов, которые в популярной форме рассказали старшеклассникам о языкознании и литературоведении. В 1990-х гг. Панов вместе с единомышленниками разработал новую серию школьных учебников, настаивая на введении в школьную программу учения о фонеме⁵, пред-

лагая ребятам самостоятельно наблюдать принципы устройства и функционирования родного языка, а не заучивать громоздкие правила.

Глубокие исследования М. В. Панова в области истории русского литературного произношения⁶ и морфологии русского языка⁷ поставили Панова в ряд выдающихся отечественных лингвистов XX в.

Однако мы хотели бы отдельно остановиться на работах М. В. Панова по языку русской поэзии — эта тема увлекала ученого всю жизнь, он читал курсы лекций по языку произведений русских поэтов XVIII—XX вв. Автору этой статьи посчастливилось слушать лекции Михаила Викторовича по языку поэзии Серебряного века в 1992 г. С благодарностью вспоминаю ту удивительную атмосферу научного творчества, которую так умело создавал лектор, увлекая слушателей идеями о развитии поэтического языка, о преемственности и новаторстве форм поэтического языка в творчестве Ахматовой, Блока, Маяковского и др. Курсы лекций по языку русской поэзии были опубликованы лишь после смерти Михаила Викторовича [Панов 2017; Панов 2019].

В предлагаемой работе хочется отметить талант Михаила Викторовича не только анализировать поэзию с позиции ученого, т. е. обнаруживать закономерности развития поэтического языка, но и выявлять поэзию в науке, что свойственно истинным ученым. Как известно, М. В. Панов писал стихи, некоторые из них посвящены науке и известным ученым, например И. А. Бодуэну де Куртенэ. Панов-поэт с воодушевлением описывает тайну научного творчества, ведь для Панова наука — живая, многогранная, бесконечная и яркая, как сама жизнь. Научные теории

¹ Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

² Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964. 174 с.

³ Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

⁴ Энциклопедический словарь юного филолога (языкознания) / сост. М. В. Панов; редкол.: Степанов Г. В. (гл. ред.) и др. М.: Педагогика, 1984. 351 с.

⁵ Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Н. Е. Ильина и др.; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 354 с.; Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Л. Н. Булатова; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2013. 384 с.; Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, Н. Е. Ильина, Е. В. Красильникова и др.; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2013. 296 с.; Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Л. Н. Булатова и др.; под ред. д-ра филол. наук,

проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 272 с.; Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, Л. Н. Булатова, С. М. Кузьмина; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 280 с.

⁶ Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. / отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

⁷ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.

согласуются, гармонично сочетаются у Панова с поэтическим языком, служат основой его изучения⁸.

В курсе лекций по русской поэзии М. В. Панов ставит себе цель обнаружить «внутренние законы», по которым развивается поэтический язык. Он пишет: «Если изучается внутреннее самодвижение поэзии, то надо найти нечто общее в организации поэтического произведения и это общее изучать: как оно меняется» [Панов 2017: 12].

Основой всякой поэтической техники М. В. Панов, вслед за Е. Д. Поливановым⁹, предлагает считать повтор, так как поэтический язык весь состоит из повтора звуков, слогов, морфем, слов, синтаксических конструкций, образов и т. п. Однако Панов уточняет: «В основе всякого поэтического текста лежит повтор отношения... Все, что вы ни возьмете, — строфическую организацию (членение текста на строфы, строфоиды), рифменную организацию, организацию с помощью звуковых повторов внутри строк, — все это можно рассматривать как разные типы повтора отношений» [Там же: 12–13]. Таким образом, повтор является главным организующим, структурирующим принципом любого поэтического текста. Однако простой повтор лишает поэтический текст неожиданности, делая его предсказуемым и скучным. Ведь тогда придется признать, что «забор есть наиболее совершенное произведение искусства,

потому что повтор в заборе осуществлен с наибольшей полнотой... Тем не менее забор — вещь очень скучная. Есть хорошие заборы, некоторые, вот такие, как решетка Летнего сада в Петербурге-Ленинграде, это хороший забор — но почему? Потому что он включает динамику» [Там же: 15]. При таком подходе именно движение, развитие форм является главной характерной чертой истории живописи, архитектуры, музыки и т. п. Именно развитие, преобразование, динамика повторяющихся форм, основанная на разнообразном (часто неожиданном) сочетании повторяющихся компонентов, по мнению Панова, составляет главный принцип построения поэтического текста. Панов предлагает рассматривать язык русской поэзии как историю «чистого движения поэтических форм», причем это движение выявлялось им на фонетическом, словесном и образном уровнях.

Например, звуковой уровень пронизан повтором звуков, их сочетаний, соотношения ударных и безударных слогов, рифм и т. п. Поэтический текст может быть построен на причудливых комбинациях сходных или различных звуков по артикуляционно-акустическому признаку. «Поэтическая речь способна... высказать свое пристрастие к определенному звуковому признаку, к артикуляционному оттенку, к типу фонетических сочетаний» [Панов 2007б: 580]. Сочетания звуков могут поддерживать семантику стиха, сами ее создавать. Так, «В. Хлебников... одними звуками рисует портрет: *Бобзоби пелись губы... Губы* написаны губными гласными и согласными... Звуки стали красками» [Там же: 582].

Звучание поэтической речи оказывается важнейшим механизмом развертывания текста, для большей художественной выразительности поэт может использовать квази-слова, составленные из выбранных звуков, при этом заумь оставляет простор для творчества и фантазии, так как не навязывает автору общеупотребительных слов с нужной семантикой. «Поэт, в поисках нужного ему строя стиха, может протянуть руку и подальше — к иноязычным фонетическим мирам» [Там же: 569].

Так, в стихотворении Алексея Крученых «Глухонемой» сочетание низких звуков (носовых согласных и лабиализованных гласных) создает своеобразную картину мира, порожденную сознанием глухого человека:

⁸ Например, Панов пишет об особенностях авторского образования неологизмов в поэзии Хлебникова и Маяковского: «Хлебников работает обычно со словообразовательными суффиксами, редко — с префиксами. Понятно: приставки агглютинативны, поэтому они и не нужны для фузионных неологизмов Хлебникова. А Маяковский особенно ценил префиксальные неологизмы. Понятно: его неологизмы агглютинативны. Границы между морфемами резки. Используются наиболее продуктивные словообразовательные модели. При этом сохраняются самые распространенные значения прибавляемых аффиксов» [Панов 2007а: 517].

⁹ «В виде обобщения всех различных систем поэтической техники (или стихосложения) можно указать один главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это — принцип повтора фонетических представлений» [Поливанов 1963: 106].

Мулóмиг
улва
глулов кул...
амул ягул валгул
за-ла-е
у-гул
волгала гыр
марча...

В этом тексте 90 % низких звуков, тогда как в обычной речи соотношение низких и высоких 50 % на 50 %, низкие звуки создают семантику поэтического текста. Панов пишет: «Заметна вязкость, напряженность артикуляций. Ряд звуков дискретен. Используются дискретные единицы — звуки. Но артикуляционно они связаны в такие тугие, вязкие, напряженные единства, нужны такие трудные произносительные работы при переходе от одних звуков к другим, что создается впечатление континуума, нечленимости этих звуковых пластически-громоздких единств... Глубокая мысль: мир предстает нам дискретным, расчлененным и упорядоченным под влиянием языка» [Панов 2007б: 583].

А в стихотворении Александра Туфанова «Весна» высокие звуки (гласные переднего ряда и мягкие согласные) создают в воображении слушающего весеннюю картину яркого солнца, передают звуки капающей талой воды, звон сосулек, щебет птиц...

Сиинь соон сийй селле соонг се
Сиинд сеельф сиййк сигналъ сеель
Лийй левиш ляйк льяйсиньлюк
Ляйя луглет ляв лилийн лед

В этом тексте 75 % высоких звуков — именно эта акустическая характеристика позволяет создать ясную, весеннюю, солнечную картину.

По мнению Панова, «эти стихи могут рассматриваться как проявление стабильных, многим носителям русского языка свойственных фонетических восприятий... Заумь оказалась особенно удобной для такого использования, ведь в ней выбор звуков не обусловлен, не ограничен выбором значимых слов» [Панов 2004: 337].

М. В. Панов в своих собственных произведениях также активно использовал звуко сочетания для выражения определенного смысла. Так, прочитав однажды в старинной грамматике набор слов, правильное написание которых нужно запомнить, он воспринял эти слова как характеристики

человека, дополнив список квазисловами в стихотворении «Чмюхр¹⁰ (из старинной грамматики)»:

Пишите правильно:
заскорузл
облезл
безмозгл
рыл
хрипл
дрял

Какой удивительный человек
Глянул из этого столбца!
Экий Савл Проклыч или Прокл Саввич!
Годный для смешного романа в 24 стула!
О, мой дорогой веснушчатый (так! — О. В.) друг!
Никогда, никогда не будь:

квепл
шрыгл
фрякл
чмюхр!

Никогда! никогда! не будь! [Панов 2001: 15].

Очевидно, что Панов не только анализировал значение зауми в творчестве разных поэтов, но и сам использовал в своих произведениях изобразительные свойства звуков речи, создавая определенное настроение, выпуклые образы, емкие характеристики и т. п. В поэзии выбор звуков очень важен, ведь звучание иногда может переешивать значение слов.

Выбор лексики, сочетания слов также показывают движение поэтической формы в произведениях русских поэтов. На лексическом уровне мы видим повтор слов (ключевых слов) поэтического текста или, наоборот, сдвиг — «соединение несоединимого», нарушение ожиданий слушателя. Такой сдвиг использовал еще Василий Кириллович Тредиаковский (по определению Панова, «самый смелый поэт XVIII в.»), описывая, как Харон отпихивал души умерших, стремящиеся сесть в ладью:

Сей Бог,
коего вечная старость всегда есть сурова,
Но исполнь ядерности, пхая, их отрывает.

Здесь Тредиаковский сочетает слова разных стилистических пластов: *пхатъ* (*пихатъ*) — просторечное слово и *отрывать* (*отвергать*, *отринуть*) — церковнославянизм.

¹⁰ К вопросу о семантике звука (примечание М. В. Панова).

Неожиданное сочетание несочетаемого также создает движение поэтического текста, способствует созданию новых поэтических форм, развитию языка поэзии.

Как особый прием художественной выразительности, как принцип построения поэтического произведения сдвиг сознательно стал использоваться поэтами начала XX в. Панов пишет: «Сдвиг был открыт футуристами как особый способ построения поэтического мира и особый способ видения мира. <...> Сдвиг – непримиримый, бунтующий оксюморон. Он не сулит успокоения» [Панов 2007а: 499].

В частности, поэтика Маяковского – поэтика сдвига: «У Маяковского сдвиг представлен поэтической системой, где резки и определены разрывы, сломы, отстояния... Сдвиг внутренне напряжен... в его составе такие части, которые рвутся из этого единства, стремятся врозь» [Панов 2007б: 583]. Например:

Думалось:
В хорах архангелова хорала
Бог, ограбленный, идет карать!
А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!»

Сдвиг создает контрасты – лексические, образные и синтаксические.

Сдвиг превращается в ведущий технический прием в поэзии В. Хлебникова, но «у Хлебникова сдвиг пластичен: части переливаются одна в другую, упор сделан на то, что очень разное необходимо для данного единства; сильны силы разъединения, но центростремительные силы господствуют над ними» [Панов 2007а: 500].

В поэтическом мире Хлебникова сдвиг пронизывает все уровни – ритмической организации стиха, лексических неологизмов, синтаксических парадоксов. Сдвиг здесь многократный и многоярусный – «дважды сдвиг: в привычную модель вдвинуто то, что для нее непривычно». Например,

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.

В этой конструкции нет предикативно-го центра (сказуемого) в главном предложении. «Синтаксис показывает, что поэт свернул с дороги, на которую он было вступил; так построение предложения помогает ритмике создать образ движения» [Там же: 505].

Здесь мы видим сломанную синтаксическую структуру – динамический синтаксис, который связывает стихи и своеобразным образом их организует.

Итак, поэзия имеет внутри себя источник самодвижения и саморазвития – на звуковом, словесном и образном уровне в творчестве разных поэтов появляются зачатки развития нового в недрах привычного и традиционного – как будто идет непрерывная эстафета поэтических форм. «Берется стандартная организация текста, давно известная русской поэзии, в ней что-то меняется – она становится и узнаваемой, и неузнаваемой» [Панов 2017: 183], но непременно является источником новых поэтических форм.

Панов настаивает на том, что в поэзии (как и вообще в искусстве) нет прогресса, нельзя выстаивать иерархию поэтов: поэт первого уровня, второго и т. д. Каждый поэт, создавший хотя бы одно совершенное произведение, остается в вечности, занимает определенное место в бесконечной цепочке творцов поэтической формы, влияющих на развитие языка поэзии.

Интересно, что Панов написал большую поэму «Звездное небо», в которой «сделана попытка представить те образные впечатления, которые возникают <...> при чтении русских поэтов» [Панов 2001: 155]. Он не только исследовал русскую поэзию как ученый, но и оставил воплощенные в поэтическую форму свои впечатления от прочтения произведений русских поэтов. Панов выстраивает череду поэтов, предлагая яркие характеристики их поэтического стиля.

Вот как представлен основоположник сравнительно-исторического языкознания Александр Христофорович Востоков, поэт, филолог, ученый – фигура, которая была особенно близка Панову:

Остр
взор Востокова:
прочтет лодку,
услышит дали...
увидит века...
Востоков [Там же: 160].

А. Х. Востоков первым включил материал древнего славянского языка в исследование компаративистов, он издал Остромирово Евангелие – памятник XI в., прокомментировал текст и описал на базе

этого памятника славянский язык древнейшего периода. Именно на базе языка этого памятника Востоков выделил в особую группу восточнославянские языки, описав их фонетические черты. В частности, сочетания плавных согласных (*л* и *р*) с гласными в разных группах славянских языков: *лодка* в древнерусском языке и *ладия* в старославянском (и других южных славянских языках). Далек видел Востоков, он открыл тайны славянского письма, в частности, именно он «разгадал юсы» – особые буквы старославянской азбуки, которые были созданы Кириллом и Мефодием для передачи носовых гласных древнейшего славянского языка IX в. Именно эти дали и века имел в виду Панов.

А впечатления от поэзии Ф. Сологуба Панов описывает так:

Бесконечная вечная снежная пыль.
В ней бьется, разбегается,
болеет и гибнет свет отреченного солнца.
Федор Сологуб [Панов 2001: 162–163].

Поэзия Сологуба насквозь символическая, а символ – это «метафора с бесконечным количеством переосмыслений» [Панов 2017: 160]. Панов пишет, что у героя Сологуба нет анкеты, в стихотворениях нет сюжета, что Сологубу «не нужны слишком предметные слова, ему нужны слова бесплотные, слова, которые полностью превращены в дух» [Панов 2017: 149].

Вот как описывает Панов впечатления о поэтическом языке В. Маяковского, Б. Пастернака и В. Хлебникова:

Глыбистый материк **Маяковского**:
провальное небо и водопады.
Планета **Пастернака**.
Вселенная **Хлебникова**.
И все
эти
пространства –
конгруэнтны! [Панов 2001: 167].

У Маяковского – материк с провалами, водопадами и глыбами, у Пастернака – уже планета, а у любимого Хлебникова – целая вселенная.

Основа поэтического языка Хлебникова – сдвиг, неожиданность, именно поэту Хлебников оказывается ни на кого не похожим поэтом:

Похожий на думающее облако.
Похожий на страстный сухой муравейник.
Похожий на исповедь кенгуру.
Похожий на философствующие часы.
Только на себя похожий [Там же: 157].

Способность лирического героя Хлебникова перевоплощаться, принимать разные облики позволяет построить поистине космический мир. «Лирический герой Хлебникова – это пророк, ребенок, ученый, колдун, конструктор-изобретатель, невменяемый, воин, бомж – как сказали бы сегодня, инопланетянин. И все ипостаси поэта перетекают одна в другую, совмещаются, пластически наслаиваются одна на другую...» [Панов 2007а: 518].

«Человечество пережило много трагедий, связанных с тем, что одна культура убивала другую. Чего же хотел Хлебников? Их слияния? Нет, слияние – утрата главных, наиболее ценных отличий; утрата неповторимости. Хлебников хотел мирного многообразия культур. Об этом и его поэмы, и его лирика» [Там же: 523]. Именно поэтому Хлебников – «вселенная».

Тема поэзии и науки занимает значительное место в творчестве Панова-поэта. Первый сборник стихов М. В. Панова «Тишина. Снег», вышедший в 1998 г., включает стихотворения военных и послевоенных лет. Лейтмотивом проходит мысль-сожаление о непрожитых жизнях убитых на войне; о женщинах, которых война обрекла на одинокую жизнь; о родителях, потерявших на фронте своих детей. Поражает способность автора чувствовать чужую боль как свою – редкий дар...

В стихах М. В. Панова – понимание ценности жизни, благодарность за жизнь рядом с воспоминаниями о страшной войне:

На ветке
один-одинешенек
треплется сосновый лист.
Он покороблен,
трачен серыми пятнами,
болен –
но как его, беднягу, тянет жить!
Как он остр и хрупок!
И я с болью вспомнил...

(1948) [Там же: 91].

Без пафоса, без патетики автор предлагает свое понимание счастья:

Счастье? Выполнить назначенье.
Себя выполнить,
исполнить,
наполнить [Панов 1998: 109].

У каждого человека свое предназначенье, своя судьба, свое место в мире. Счастье, по Панову, – это прожить свою жизнь, оказаться на своем месте – том самом, которое поможет человеку раскрыть свои способности, таланты, проявить себя. Выполнение назначения, как считает автор, дает счастье, радость, уверенность, покой...

Его назначение – быть ученым и поэтом, даже на войне он думал о поэтическом языке, это и было его счастье:

Приехали ночью, вкопали ЗИС-3. К пяти
замаскировали ее.

Не спалось. Я лежал на снегу под двумя заду-
белыми шинелями.

Слепо светили две звезды, да и те пропали.
Дышал, дышал на руки: от холода
одеревенели.

Вспомнил: «Она пришла с мороза
раскрасневшаяся...»

Родной для меня это стих! Это Блок!
(Книгу-то взводный, гад, зажил, – думаю
в полусне. –

А ведь нес ее от Кавказа... и всегда... как зени-
цу ока...)

Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее – за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, вранье: это стих глубокого
дыханья,
яркости, крутизны. Блок давно уже это
открыл.

К шести забылся. Резало от ремня и кобуры,
неснятых на ночь.

В кармане тихо шелестели часы (трофейные,
анкерные).

В семь ноль-ноль на высоте 120 и две десятых
Бешено и мертво застучали немецкие танки.
(1942) [Панов 1998: 60–61].

Интересна композиция стихотворения – первое и последнее четверостишия о военных буднях, о задачах солдат-противотанкистов, а два центральных четверостишия – о поэзии. Архитектоника произведения показывает, что главное и на войне для поэта и ученого – его предназначение – поэзия и наука.

Во втором сборнике стихов М. В. Панова, вышедшем посмертно в 2001 г., много

стихотворений о науке, ведь Панов – ученый, наука – его работа, его стихия, его поэзия.

Сера наука,
но зелено
вечное древо жизни –
сказал Гете и его переводчик.

Жаль мне, что поэт
знал только древо.

Перевод
подчеркнул это, прояснил, занозил.
Древо? Пусть так.

Но нужно и древо –
с живым и честным стволом,
с листьями, которые любят ветер,
с птицами; качаются на ветвях. А вверху
над ним, в небе мгновенные облака.

...Сера наука?
Гетева, может быть, сера.

А наука, которая впрямь наука, –
зеленое,
ласковое,

зовущее древо.

Веет прохладой и счастьем.

А если вокруг него солнце и дождь...
Ну!

Потому что: де-ре-во.

То есть – наука [Панов 2001: 91].

Наука и есть сама жизнь – не схематичное древо (родословное древо индоевропейских языков Августа Шлейхера), а именно живое растущее древо, которое переживает осень и зиму, сбрасывает листья и покрывается снегом, спит под снегом, ожидая весны. Приходит новое время, и наука-древцо распускает новые листья, дает молодые побеги, становится домом для птиц, качающихся на его ветвях...

М. В. Панов, читавший студентам курс истории лингвистических учений, подчеркивал, что наука живая. Она развивается в теориях талантливых, умных людей, страстно ищущих истину, иногда – конфликтующих и спорящих, иногда – соглашающихся и поддерживающих друг друга, но в любом случае наука не может быть скучной и предсказуемой, если она становится скучной, догматичной, схематичной (как *древцо*), она перестает быть наукой.

Несколько стихотворений М. В. Панов посвятил любимому ученому – Бодуэну де Куртенэ (некоторые из них так и называются «Люблю Бодуэна!>). В этих произведениях Панов воспевал (другого глагола

и не подобрать) идеи Бодуэна, перевернувшие современную ему науку о языке, заложившие основы лингвистики XX в.

Например, Панов подчеркивает новаторство Бодуэна-диалектолога, ведь именно Бодуэн впервые предложил транскрипцию — систему записи звучащей речи, описал и теоретически осмыслил резьянские говоры, предложив рассматривать их как результат языкового смешения славянского и мадьярского (венгерского) языкового типа. В стихотворении «Люблю Бодуэна!» Панов пишет:

...Разглядеть
среди шибки-скрежета
речевой непогоды
разглядеть
кристаллически-прозрачную глыбу:
язык.
...В непогоде. В ветре!
Увидеть —
труд Бодуэна.
Ползти в поле за языком —
его прозорливость...
Хорош Бодуэн — полевой охотник
За увертливым языком... [Панов 2001: 39–40].

Действительно, «разглядеть среди... речевой непогоды... кристаллически-прозрачную глыбу: язык» удастся не каждому. Часто диалектологи, полевые исследователи языка довольствовались сбором материала, фиксации речи носителей диалекта, а обобщить данные, «разглядеть язык» под силу только теоретику высокого класса, каким и был Бодуэн де Куртенэ.

В другом стихотворении с тем же названием «Люблю Бодуэна!» Панов отмечает важнейшее достижение Бодуэна де Куртенэ — выделение морфемы как отдельной единицы языка — минимальной, но, в отличие от звука, имеющей значение. Вот это значение и явилось кирпичиком, из которого вырастает значение целого слова. Панов сравнивает морфему с клеткой живого организма (распространенная метафора натуралистического языкознания середины XIX в.), ведь из клетки можно вырастить живой организм, как из морфемы — слово.

Оказалось:
клетка живая.
Из нее можно вырастить:
овес, белку, носорога, стрекозу, человека.
Вот так-то и в слове нашел Бодуэн живое:

морфему.

Растет в ней мысль.
Напрягает вокруг себя
думательное поле.
И тянет к себе и влечет:
в себя; **в слово; в мысль.**
О морфеме
первый стал думать Бодуэн [Там же: 39].

Именно Бодуэн предложил ввести в лингвистику специальный термин — *морфема*, разделить все аффиксальные морфемы на *префиксы* (предшествующие корню) и *постфиксы* (следующие за корнем), заменить термином *постфикс* такой непонятный, «мутный» термин *суффикс* (лат. 'прикрепленный снизу'). Бодуэн стремился навести порядок в терминологии, так как был уверен — стройная система терминов будет служить основой четких научных описаний языка. Понятие морфемы позволило выявить структуру слова, выстроить ряды слов с общей корневой и аффиксальной морфемой — что легло в основу структурного описания языка в XX веке.

Выделение понятий «морфема» и «морфемная структура слова» явилось базой формулировки закона об изменении морфемного членения слов в индоевропейских языках — закон передвижения основ в пользу окончаний. Вот как пишет Панов об этой закономерности, обнаруженной Бодуэном:

Окончание уворовало кусок основы.
И еще — кусок.
И еще — кусок.
...Передвигаются
перегородки в слове.
Квартира слова
то однокомнатна,
то коммуналка. Так
сквозь микроскоп ума
понял —
увидел —
узнал

Бодуэн.
Слово перестало быть поленом:
явилось, гибко и прытко,
как ласка, как горностай.
Вывел горностая
из твердой колоды
Бодуэн — пониматель [Там же: 41–42].

Еще один важный закон сформулировал Бодуэн: славянские языки (и русский язык в частности) идут по пути разветвления

системы согласных звуков (консонантизма) и сокращения системы гласных звуков (вокализма).

Панов так пишет об этом законе:

Проницатель
в язык
самых древних племен! В середине
тысячелетних дерев!
Зодчий науки
из новых, далеких,
еще не прилетевших столетий!
Бодуэн! Первый узревший закон:
из века в век
**вянет русская гласность,
цветет согласность** –
из века в век
все сильней, ветвистей.
Одни листья поникли,
но разбушевались другие...
Мелкоту законов
он сложил
в свой огромный закон;
в свой холщовый мешок мысли.
Велел назад –
до праславянских вихрей,
видел вперед –
до наших асфальтовых дней.
Экое богатейство! [Панов 2001: 38].

В славянских языках заднеязычные заднеязычные согласные звуки [к], [г], [х] изменились перед гласными переднего ряда и превратились в аффрикаты ([ч] и [ц]: *старик – старче, рука – в руке*), а также в шипящие (*Бог – божже, дух – душе*) и в свистящие (*Бог – в Бозе, дух – о дусе*). Таким образом, в славянских языках в результате такого изменения звуков (оно получило название палатализация, так как заднеязычные заднеязычные звуки продвигались вперед к переднему нёбу – палатум) возникли ряды аффрикат, шипящих и свистящих согласных.

Кроме того, с течением времени в русском языке возникли пары согласных по твердости/мягкости – дифференциация, которой не было в древнерусском языке.

А вот гласных звуков становилось все меньше: исчезли носовые гласные, которые обозначались юсами – специальными буквами в старославянской азбуке (А и Ж), исчезли сверхкраткие ерь (Ь) и ер (Ъ), исчез гласный переднего ряда, обозначавшийся буквой ять (Ѣ). Действительно, «вянет русская гласность, цветет согласность».

Не мог пройти Панов-фонолог мимо важнейшего открытия Бодуэна де Куртенэ – учения о фонеме. В стихотворении «Люблю Бодуэна!» М. В. Панов пишет:

...Две единицы,
Совсем разные, как веник и человек,
могут быть – одно.
И люди их не различают,
в одном видят другое:
если они функционально равны:
работают в разные смены,
но в одинаковой должности.
Называется: **фонема**.
Ряд позиционно чередовательных звуков,
самых разных, непохожих.
А говорители думают: это все одно,
неразличимое то же.
Это волшебство в языке открыл Бодуэн
[Там же: 43].

Одна фонема может быть представлена в речи рядом позиционно чередующихся звуков: «У нас в подъезде новый код [т]. Я не знаю нового кода [д]» – из-за оглушения на конце фонема <Д> произносится как глухой [т], а в позиции перед гласным эта фонема реализуется как звонкий [д]. В самом деле «две единицы... могут быть одно» – это фонема.

Панов восхищается гением Бодуэна – «экое богатейство!», ведь в учении Бодуэна язык представал как вечно развивающаяся, меняющаяся структура, как вечнозеленое дерево (не случайно Бодуэн так яростно критиковал родословное древо родственных языков – статичную картинку А. Шлейхера как грубую схему, искажающую реальное развитие живых языков).

Вот так в поэзии Панова поэтизировалась наука – та наука, которая помогала изучать поэзию. Наука и поэзия были неразрывны в творчестве ученого и поэта, что помогло Панову обнаружить научные закономерности развития языка поэзии и, наоборот, открыть поэзию в науке.

Умер М. В. Панов 3 ноября 2001 г. Незадолго до смерти он написал:

Будет зима

Лес без солнца и без тени –
Провинившийся старик.
Падший лист, сухой, осенний,
К бесприютности привык.
Высоко несутся птицы:
Принудительный отлет.
Их зима сразить грозит,
Выдворяет, гонит, бьет.

В эту пору расставаний
 Так нестрашно умирать.
 Только сани-сани-сани
 Надо сталью подковать.
 Чтобы вынесли с размаха
 С этих берегов на те —
 Где ни стона и ни страха,
 Только вихри в пустоте
 [Панов 2001: 48].

Статья посвящается памяти Михаила Викторовича Панова — ученого, поэта, учителя...

ЛИТЕРАТУРА

Панов М. В. О восприятии звуков // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 330–337.

Панов М. В. Олени навстречу: Вторая кн. стихов. М.: Carte Blanche, 2001. 190 с.

Панов М. В. Поэтический язык Серебряного века. Символизм. Футуризм. Курс лекций. СПб.: Нестор-История, 2019. 424 с.

Панов М. В. Сочетание несочетаемого // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры. 2007. С. 496–524 [Панов 2007а].

Панов М. В. Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1998. 127 с.

Панов М. В. Фонетика поэзии // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры. 2007. С. 567–586 [Панов 2007б].

Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. Т. 12, № 1. С. 98–112.

Язык русской поэзии XVIII–XX веков: курс лекций / М. В. Панов; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 583 с.

REFERENCES

1. Panov M. V. About the perception of sounds. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2004. Vol. 1. P. 330–337. (In Russ.).

2. Panov M. V. Reindeer Towards: second book of poetry. Carte Blanche publ., Moscow, 2001. 190 p. (In Russ.).

3. Panov M. V. Poetic language of the Silver Age. Symbolism. Futurism. Lecture course. Nestor-History publ., St. Petersburg, 2019. 424 p. (In Russ.).

4. Panov M. V. The combination of the incompatible. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2007. Vol. 2. P. 496–524 [Panov 2007a]. (In Russ.).

5. Panov M. V. Silence. Snow. Carte Blanche publ., Moscow, 1998. 127 p. (In Russ.).

6. Panov M. V. Phonetics of poetry. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2007. Vol. 2. P. 567–586 [Panov 2007b]. (In Russ.).

7. Polivanov E. D. General phonetic principle of any poetic technique. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of language*. 1963. Vol. 12, No. 1. P. 98–112. (In Russ.).

8. The language of Russian poetry of the 18th – 20th centuries: a course of lectures / M. V. Panov; Institute of the Russian language. V. V. Vinogradov RAS. YASK Publishing House, Moscow, 2017. 583 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь

Oksana A. Voloshina, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of General and Comparative Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University; Shenzhen MSU-BIT University

Статья поступила в редакцию 20.11.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 25.12.2020.

The article was submitted 20.11.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 25.12.2020.